

О, эта странная близость к пакостности

Культура. — 1998. — 25 июня — 7 июля. — С. 11

Фильм “Про уродов и людей” Алексея Балабанова

Этот фильм вызывал на “Кинотавре” особый интерес. Во-первых, он уже успел побывать в Канне, где, в отличие от провалившейся в конкурсе ленты Алексея Германа “Хрусталева, машина!”, был принят критикой довольно благосклонно. Во-вторых, имя Алексея Балабанова, постановщика ряда, как теперь говорят, культовых лент, — это знак определенного кинематографического качества. Словом, на просмотр ленты “Про уродов и людей” набился полный зал фестивального народа. До финальных титров, правда, досидели не все.

Алексей Балабанов никогда, за исключением, может быть, первой работы “Счастливые дни”, не отличался оптимистичным, мажорным мироощущением. Довольно-таки безысходной была его лента “Замок” — изысканно-мрачная экранизация одноименного романа Франца Кафки. Много грязи, крови выплеснул он на экран в “Брате” — крутом американизированном боевике, прогремевшем на прошлогоднем “Кинотавре”. Но в своей последней картине Балабанов, кажется, превзошел самого себя.

В фильме, тонко стилизованном под кино начала века, оживает странный, страшный, причудливый, порочный, греховный и — такова уж магия экрана — неумовимо притягательный мир человеческого дна, как его видят авторы ленты. Это мир извращенцев, проституток, мазохистов, содомитов, вуайеристов, калек, уродов, которыми щедро населена эта лента. Правит бал в этом “темном царстве” некто Иоганн (Сергей Маковецкий) — сатанинского вида фотограф, промышленяющий сначала порнографическими открытками, потом — фильмами столь же скабрёзного содержания.

Балабанов крупнолезно показывает, как рушатся две вполне благополучные семьи, в которые проникает со своим “искусством”

Иоганн: добропорядочные люди, начинавшие, казалось бы, с невинных просмотров похабных открыточек, постепенно втягиваются в преступный бизнес, становятся подручными Сатаны. Молодые красивые женщины превращаются, говоря сегодняшним слогом, в порномодел, романтический фотограф — в мастера порнолента, превосходящего в цинизме своего духовного наставника Иоганна.

Разумеется, фильм при очень большом желании можно прочитать как тревожное послание человечеству, как метафору пути, пройденного кинематографом в XX веке, — от развлечения, балагана до мощной индустрии, тонко манипулирующей сознанием людей. Это воздействие может быть страшным, разрушительным, ломающим корневые свойства личности, словно говорят авторы этой талантливо сделанной ленты, ласкающей глаз своим визуальным, стилистическим совершенством. Но парадокс ситуации в том и состоит, что их собственный фильм несет такую невидан-

ную доселе в нашем кино концентрацию патологии, физических и нравственных уродств, пронизан таким брезгливым неверием в духовные силы человека, в его способность противостоять злу, он так сладострастно смакует аромат порока, что, хотели того авторы или нет, их детище воспринимается как знак и символ того “злачного” кинематографа, против которого они якобы возвышают свой голос.

Уроды побеждают людей. Темная изнанка человека сильнее его светлой стороны. Низменные киноподелки притягательнее искусства доброго и гуманного. С этими выводами фильма решительно не хочется соглашаться. Тем более что фестиваль подарил немало других лент. Тех, где, слава Богу, торжествуют люди, а не уроды.

Леонид ПАВЛЮЧИК

Фильм Алексея Балабанова “Брат” показался мне необыкновенно живым, талантливым и понравился своей особой легкос-

Кадр из фильма. Актриса Д. Друкарова

тью. В нем есть открытие нового характера. Все фильмы для меня делятся на живые и неживые. Хотя бы последние и были произведением искусства, но если нет в них этой самой жизни, то они не представляют интереса. Лично для меня.

Не могу сказать, что новый фильм Балабанова “Про уродов и людей” — это мой фильм. Это мне неблизко, но интересно. Я смотрел его на одном дыхании. Он захватывает и очень тонко и точно сделан. Талант вообще заключен в точности. Наверняка этот фильм был для режиссера попыткой и желанием разобраться в русских мифах. Мы чаще рассуждаем об американских мифах в кино, наиболее нам знакомых. А русские мифы — это Достоевский, его “Кроткая” и Свидригайлов, “Мелкий бес” Сологуба и “Петербург” Белого. Это какая-то странная близость к пакостности, которая есть в нашей жизни и наверняка в каждом из нас. Все это я очень чувствую в образе Петербурга, который возникает в картине. Конечно, жутковатая и беспощадная игра получается, но оригинальная, к тому же построенная на нашем российском глубинном материале. Возможно, что фильм получился не вполне корректным. Он вторгся в область гадкого и скрытого. Но внутренний мир художника имеет право на полную свободу. Надо только, чтобы все происходящее на экране было оправдано. У Балабанова я вижу попытку психоанализа самого себя, культуры, того, что было, и того, что есть.

В России тема, затронутая Алексеем Балабановым, вызывает до сих пор большое сопротивление, поскольку нет привычки к психоанализу вообще. Западному человеку уже на протяжении нескольких поколений говорят об этом, он ходит к психоаналитику. Поэтому спокойно воспримет слова: “У тебя, наверное, эдипов

комплекс. Ты хотел свою мать и за то ненавидел отца”. У нас же за подобные речи могут дать в морду: “Что ты сказал? Я? Свою маму?” Это всего лишь показатель уровня культуры, дело привычки и традиций. У нас все живут с родителями чуть ли не до пятидесяти лет. А в Америке, если человек живет вместе с мамой, про него думают: либо он сексуальный маньяк, либо потенциальный убийца, либо совсем уж плохой. По всем этим причинам проблемы, которые затрагивает Балабанов, вызывают в России шок. Мы увязли в путах запретов. Даже думать иначе нельзя. И все построено почти на религиозном запрещении думать и чувствовать особым образом. Если человек ощущает себя, допустим, гомосексуалистом, ему укажут на то, что это ведь стыдно, а значит, он должен в себе эти чувства подавить.

Но есть и другой опыт.

Я не понимаю разговоров на тему, вот это — русское кино, а вот это — нет. Может быть, и обо мне кто-то скажет, что я делаю нерусское кино. Фильм “Про уродов и людей” сделан русским человеком по фамилии Балабанов, значит, он русский. Какой же еще? Разве это не похоже на протазановские опыты? Надо, наконец, понять, что живем мы все в одном большом мире, где дуют те же самые ветры, что и в России, а людей обуревают те же самые желания повсюду, вне зависимости от местожительства. Нам только кажется, что живем мы в замкнутом пространстве. Люди во всем мире одинаковы. Это я для себя с удивлением открыл, приехав жить во Францию. Просто у нас часто нет инструмента, чтобы их открывать привычным для себя способом.

Павел ЛУНГИН,
режиссер (Франция)

Сиамские близнецы, Коля и Толя, голенькие, в каком-то грязном подвале, хочется сказать — в застенке, позирующие порнофотографу, — образ беззащитности человеческого перед абсолютным Злом. Но пережить этот план, не возмущившись авторским деспотизмом, скорый на эмоции русский человек не может. В российской традиции эстетика и этика — сообщающиеся сосуды. Нельзя простить Маяковскому скандально знаменитую строчку: “Я люблю смотреть, как умирают дети”. Именно это происходит и в фильме: один из близнецов умирает на наших глазах — его спойли ловцы человеков...

Визуальный образ многослойной словесного. Попытки его интерпретировать, привести к моно-смыслу иногда невозможны. Так происходит с фильмом “Про уродов и людей”. Что бы и как бы про него не писали критики, эту картину нельзя идентифицировать в слове, объять Логосом. Таков, кстати, кинематограф Отара Иоселиани, Александра Сокурова — не поддается он отмычке словом. Это вещь в себе. Рукотворный Космос, существование которого не признавать невозможно, как невозможно исчерпывающе объяснить.

Те, кто картиной Балабанова шокирован, не принимают ее этически, могут упрекать режиссера во всех смертных грехах — только не в пошлости. Должно пройти время, чтобы открыть путь для ответа на вопрос “Зачем Алексей Балабанов снял эту картину?”. Сейчас одно только ясно: снял он ее не для эпатажа, а повинувшись художническому инстинкту, некоей высшей воле, которая сильнее дидактических установок обыденного сознания.

Елена СТИШОВА